

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 5 (41)

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

Беджанов Мурат Безрукович,

уроженец аула Пшизов Шовгеновского района, закончил Адыгейский государственный педагогический институт, Высшую партийную школу при ЦК КПСС в Москве. Возглавлял республиканское полиграфобъединение, являлся представителем МИД Российской Федерации по Северному Кавказу; председатель Совета старейшин при политсовете регионального отделения партии «Единая Россия», доктор исторических наук, заслуженный работник культуры России, заслуженный деятель науки Кубани, заслуженный деятель науки Республики Адыгея, автор 37-ми книг.

Народ Адыгеи, как и другие народы России, достоин лучшей жизни, и мы уверены в его процветании в составе Российской Федерации. Вместе с тем, меня, как и многих жителей Республики Адыгея, живо интересует судьба наших соотечественников, волею судьбы оказавшихся вдали от родных, как говорится, веками насвоенных мест. Это и арабские страны, и Турция. Хотелось побывать там, посмотреть на их жизнь собственными глазами. И мне повезло: в мае 1996 года в Министерстве иностранных дел России получил предложение поработать в качестве советника в посольстве Российской Федерации в Турции. Там я работал с 25 мая по 25 июля 1996 года.

Отправляясь в Турцию, получил распоряжение Президента Республики Адыгея Аслана Алиевича Джаримова о наделении меня, представителя МИД РФ в городе Майкопе, высокими полномочиями по ведению переговоров с представителями деловых кругов Турецкой Республики. Президент Адыгеи и общественные

организации порекомендовали мне ближе познакомиться с жизнью адыгов, проживающих в Турции. А ведь там сегодня насчитывается более трех миллионов наших соплеменников.

Было у меня много встреч с соотечественниками в Турции. Запомнилась поездка в поселок Узун-Терла (в переводе с турецкого - «длинный огород»). Прибыли мы туда с моим новым другом Махмудом, которого сопровождала его очаровательная супруга-кабардинка. В этом поселке была назначена очередная - пятая праздничная встреча рода Дзыбыхов. Проходила она на территории фирмы «Элимсан» - завода по производству электроизоляционной продукции, поставляемой во многие страны мира. Обширный двор завода хорошо благо-

устроен, кругом зеленые газоны, фруктовый сад, декоративные деревья. Везде завидный порядок. Руководит хозяйством наш земляк, адыг Музафар Авуджи (Дзыбов). Авуджи в переводе с турецкого обозначает «охотник». В округе он самый богатый человек. Музафар постоянно помогает местным адыгам. Его здесь уважают и почитают. Всем он хорош. Но когда речь заходит об инвестициях в промышленность или другие отрасли Адыгеи, Музафар едва заметно улыбается, отмалчиваясь. Вижу в нем рачительного и расчетливого хозяина. В любой обстановке Музафар не теряет самообладания, остается самим собой. Немного словен, уравновешен, подчеркнуто вежлив. Больше слушает. Лишних обещаний и заявлений не делает. Гостеприимен. Он и организовал этот прекрасный праздник рода Дзыбыхов, ставший традиционным и в Турции, и в Адыгее.

Адыг, как говорится, и в Турции адыг. Быт и нравы жителей Адыгеи я знаю хорошо. Заинтересованно пытался озна-

комиться с жизнью и бытом наших соотечественников в Турции. Мне импонировали их нравы и привычки. Адыги там спиртного не употребляют (и у нас они не должны особенно этим увлекаться). Они умеют красиво веселиться и шутить. На празднике рода Дзыбыхов за весь вечер ни разу не услышал сквернословия.

Смешанные чувства испытывал я, общаясь с соотечественниками. С одной стороны, волновался: ведь находился среди потомков тех, кто в свое время немало хлебнул из горькой чаши национальной катастрофы. Но было на душе и тревожно: как они отнесутся к нашим встречам? Испытывал волнение словно перед дальней дорогой, которая ведет в неизвестность. С другой стороны, в душе верил, что мой визит адыга-дипломата для них не безразличен, а значит все сложится хорошо. Прибыв на место, в этом убедился. Как и предполагал, оказался среди собратьев. Мы все радовались, обнимались, тепло говорили. Дни, проведенные среди соплеменников, надолго оставили светлые воспоминания.

Как сейчас вижу добрые улыбки моих земляков. Слышу смех и веселые шутки. И я радовался тому, что над нами чистое небо, ярко сияют звезды, светится млечный путь. Так пусть же будет мир для этих молодых и пожилых, беззаботно веселящихся людей, бесконечным, как этот млечный путь. Никто из них в эти минуты веселья, конечно, не думал, как их предки оказались на этой далекой второй родине, какая горькая участь выпала на их долю.

Невольно вспомнились слова народного писателя Адыгеи Исхака Машбаша из его романа «Жернова»: «Да, адыг, да, мой соплеменник, узнаю тебя - твою статью, твою честь и мужество, но знаю твою гордыню и упрямство, твою историческую судьбу, разбросавшую нас по всему белому свету. И моя святая обязанность - перед тобой, мой дальний и ближний предок, мой грядущий потомок - рассказать о нас с вами, поведать историю давней и ближней жизни. И пусть мой рассказ, хоть в самой малой степени, будет постижением горькой истины».

Сегодня молодые люди ве-

селятся, довольны своей жизнью. И это благодаря их предкам, которым «повезло» в грозные годы Кавказской войны. Они тогда чудом спаслись от неминуемой гибели. Переплывая Черное море, они избежали страшной трагедии, постигшей многих несчастных, которые не достигли берега Трапезунда. Их не поглотила морская пучина, их не выбросило за борт каики - маленького турецкого суденышка, их миновала голодная смерть.

Без содрогания невозможно читать леденящие душу строки из книги А.Фонвиля, иностранца, непосредственного участника борьбы черкесов за независимость и свободу. «Черкесы так торопились уезжать в Турцию, а турки были до такой степени жадны и корыстолюбивы, - пишет в своей книге Фонвиль, - что суда нагружались, что называется, доверху: триста или четыреста человек заполняли пространство, на котором в обычное время помещались от 50 до 60 человек. Вся провизия, которую горцы брали с собой, состояла из нескольких горстей пшена и бочонков воды; плавание открытым морем иногда продолжалось от пяти до шести дней, и в таком состоянии и с таким запасом провизии этим несчастным приходилось совершать переезд столь гибельный и столь опасный».

Когда поднималась непогода на море, каики, нагруженные так, что вода достигала самых краев, не могли держаться на воде и тонули. Те, которые были лучше устроены или менее нагружены, при волнении подвергались такой сильной качке, что несчастные пассажиры бились и давили друг друга. Несколько судов с переселенцами потонуло; на других - половина пассажиров умерли в дороге и были выброшены за борт до прибытия в Трапезунд».

Кто бы мог тогда разъяснить черкесам действительное положение дел в мире, что они обмануты и стали объектом борьбы между мощными хищниками? Кто бы мог им пояснить, кто их друг, а кто враг? Кто был готов оказать им помощь? Не ведали они, слабо ориентировались в политической расстановке сил. Кроме Англии, Франции и Турции, других государств адыги не знали. По словам Фонвиля, они

думали, что Турция - это самая большая, самая могущественная и непобедимая держава во Вселенной, и перед султаном преклоняли колени...

Впрочем, вернемся к нашему празднику, ради которого и приехали мы в поселок Узун-Тарлу.

Кроме рода Дзыбыхов на встречу были приглашены адыги из городов Стамбула, Анкары, Измира и из пятидесяти кочев (так называют аулы в Турции); а также из других мест этой страны. Собралось более 600 человек.

К нам, гостям из Адыгеи, был проявлен особый интерес. Внимательные и уважительные глаза постоянно следили за нами. Нас сажали на самые почетные места, угощали лучшими блюдами.

Праздничный вечер открылся митингом, на котором с речью выступили Ким Дзыбов, министр Республики Адыгея, постоянный представитель Адыгеи в Краснодарском крае, главный организатор этих встреч; Музафар Авуджи, директор турецкой фирмы «Элимсан». Слово было предоставлено и мне.

В нашей делегации находился генеральный директор Краснодарского НИИ хранения и переработки сельскохозяйственной продукции, доктор технических наук, профессор Шаззо Рамазан. Будучи общительным человеком, он быстро вошел в контакт с людьми, особенно с учеными и предпринимателями, вел с ними переговоры, в частности, с руководителем предприятия «Элимсан» Музафаром. По возвращении в Стамбул он продолжал встречаться с бизнесменами, специалистами перерабатывающей промышленности.

Особый интерес турецкие адыги проявляли к нему как к образованному человеку, хорошо знающему историю своего народа. Они просили рассказать как живут их соплеменники на исторической родине, кто повинен в трагедии адыгского народа, можно ли было избежать их предкам эмиграции в Турцию.

- Да, дорогие мои земляки, - отвечал Р. Шаззо, - вы затронули большой и очень важный вопрос, который и сегодня волнует и ученых, и простых людей. К сожалению, однозначно ответить невозможно. Обратно говоря, могли бы отве-

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

тить лишь наши Кавказские горы, которые видели все, что произошло с народом. Но они безмолвствуют. Если бы они могли говорить, то поведали бы многое о наших несчастных предках...

Выступавшие на встрече увлеченно говорили о дружбе между людьми, семьями, народами и главное - между Россией и Турцией, ведь в дальнейшем только эта дружба способна стать гарантом сближения адыгов.

Танцует молодежь темпераментно, искрометно, увлеченно. Парень и девушка пляшут друг перед другом, меняясь местами, делая всем телом сложные танцевальные движения. Часто молодежь танцует без обуви. Многие во время танцев спешно снимают обувь, отбрасывают ее в сторону. Вообще же красивое зрелище.

Молодые парни одеты просто, по-современному, в джинсы, разного цвета рубашки с короткими рукавами. А девушки — в длинных до пят платьях свободного покроя. Короткую юбку мало кто носит. Многие девочки носят брюки. Большинство покрывают голову платком, лица открыты. К сожалению, никто в черкеску не был одет. Не видел ни одной девушки в платье-сае из белого шелка, расшитого золотом и серебром.

А как хотелось на таком празднике увидеть хотя бы одного молодого адыга, одетого в черкеску с серебряным поясом, с кинжалом, в серой каракулевой шапке. Танцует джигит в этом великолепном костюме под стрельбу из пистолетов. Конечно, это оставило бы у присутствующих неизгладимое впечатление. К стати, здесь все вооружены. Весь вечер шла пальба: мужчины беспрерывно стреляли. Как известно, адыги с давних времен имеют привычку стрелять на свадьбах и торжествах. Турецкие адыги сохранили эту привычку.

Местность, где живут наши соплеменники, напоминает Кавказские горы. На их вершинах растут такие же могучие леса. Когда едешь на автомашине по великолепной автотрассе Анкара - Стамбул, по обе стороны время от времени открываются широкие плодородные долины. Поля везде ухожены, посевы радуют глаз. Здесь не увидишь необработанного или заброшенного участка, даже клочка земли. Повезло некоторым нашим землякам, оказавшимся на этих богатых, плодородных землях. Но только не всем повезло... Встреча рода Дзыбовых на турецкой земле оставила не только приятные впечатления, но и какую-то надежду на то, что в недалеком будущем все адыги найдут место на своей исторической родине.

Поневоле обращаю взор к тем далеким шестидесятым годам прошлого столетия, когда наши предки приняли роковое решение оставить родину и уйти на чужбину. Сегодня нам легко давать оценку их поступкам и делам, но тогда не так

то просто было разобраться в обстановке и принять единственно верное решение.

Во второй половине XVIII века царское правительство России разрабатывало широкие планы колонизации Северного Кавказа. Своей первоочередной стратегической и политической задачей царизм ставил завоевание Центрального Кавказа. В 1760-е годы в крае появляется сплошная линия военных укреплений - от Кизляра, заложенного еще в 1736 году, до Моздока (1763 г.), что было началом возведения «Кавказской линии». Сооружались кордонные линии, военные крепости, что приводило к сокращению адыгских земель.

С другой стороны, шел процесс переселения из центральных областей России на Северный Кавказ государственных и крепостных крестьян. Осуществляя эти меры, царизм использовал их как рычаги сво-

Кавказа наступает эпоха, связанная с именем генерала Ермолова. В план России входило, прежде всего, насильственное покорение горцев Северного Кавказа, причем сам Ермолов неоднократно указывал, что это «должно производиться постепенно, но настоятельно». Эта политика реализовывалась и в последующее время.

На Северо-Западном Кавказе во главе национально-освободительной борьбы стояли Хаджи Берзек, Сефер-бей Зан, Магомет Амин (наиб Шамиля).

Борьба России и Османской империи за Кавказ обостряла обстановку. А.П. Берзе писал, что османское правительство и европейские державы, подерживая горцев, «не думали об их благоденствии, но пользовались ими как средством противодействия России... загребания жара чужими руками».

учрежден меджлис из 15 улемов и сведущих лиц; этот меджлис они назвали «Великим свободным заседанием». Весь край был разделен на 12 округов, в каждом из них назначали ответственных лиц. Не довольствуясь этими преобразованиями, убыхи искали помощи у Турции и Англии; они обратились к английскому консулу в Сухуми Диксону, прося довести до сведения английского правительства о посягательствах на их независимость со стороны русских войск; они жаловались, что для покорения черкесов генерал Евдокимов окружил их край со всех сторон.

Все эти усилия черкесов, однако, не могли изменить задуманного систематического плана покорения. Со стороны Абхазии генерал Колубакин, прежде всего, решил нанести нравственный удар: высадившись у Сочи, войска истреби-

ими разбоями, укрывательством беглых и что если они хотят принести покорность Русскому Царю, то должны принять то управление и то начальство, какое будет назначено. Абадзехи просили разрешить послать депутацию от всего союза в Петербург, чтобы удостовериться, действительно ли к ним предъявляются требования по воле Государя. Когда им в этом было отказано, попросили послать с такою же целью представителей в Тифлис к Наместнику. Граф согласился на эту просьбу, надеясь, что поездка отсрочит действия абадзехов.

В Тифлисе князя Барятинского тогда уже не было, и депутаты (от абадзехов - Гасан Бидхев, от убыхов - хаджи Керендук-Берзек и от шапсугов - Ислам Тхаушев) в сопровождении полковника князя Мамат Лоова, явились к командующему армией, генерал-адъютанту князю Орбелиани, который подтвердил все требования Евдокимова и объявил, что Государь император в скором времени сам придет в Кубанскую область и, если пожелает, то может выслушать их просьбы. Вместе с тем князь Орбелиани письменно обратился к убыхскому, шапсугскому и абадзехскому народам. Он, между прочим, писал: «Государь император не желает проливать кровь вашу, не желает нарушить ни вашей религии, ни прав вашей собственности. Он желает мира и благоденствия, как и всем своим верноподданным. Вы нарушаете этот мир. Государь каждому из вас, кто изъявит покорность, приказал: дать землю для поселения, позволить исповедовать мусульманскую веру без стеснения и в селениях ваших строить мечети, не брать вас в солдаты и не записывать в казаки, предоставить каждому селению и округу выбирать из своей среды судей и старшин для разбора всех ваших дел. Для того, чтобы решение судей исполнилось и чтобы никто из вас не обижал другого, будут поставлены начальники».

Между тем, пока происходили эти переговоры, войска успели прорезать дорогами и просеками все пространство, населенное племенами по рекам Псефиру, Фарсу, Губсу и по правую сторону Белой.

В сентябре 1861 года император Александр II дважды встречался с депутатом адыгов: в Тамани (11 сентября 1861 года) и второй раз - через неделю, 18 сентября того же года.

Эти исторические встречи представителей адыгов довольно подробно даются Семенов Эсадзе в книге «Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны» переизданной в г. Майкопе в издательстве «Меоты», в 1993 году (первое издание: Тифлис, 1914).

Текст дано в полном объеме, чтобы не исказить исторические моменты, которые, по моему мнению, явились переломным моментом в судьбе

Слева направо: Мустафа Кемаль Ататюрк и Черкес Этхем. Из личного архива Т.И. Дербе.

ей завоевательной политики на Кавказе.

Для создания сплошной кордонной линии от Моздока до Азова были возведены крепости Прохладная, Екатериноградская, Георгиевская, Солдатская, Константиногорская, Кисловодская и другие. Помимо прямого назначения эта цепь укреплений должна была изолировать Кабарду от Чечни, тем самым затруднить их связи.

Царское правительство проводило политику «разделяй и властвуй». Еще при назначении генерала Де Медема в 1769 году на Кавказ ему была дана инструкция «остерегаться больше всего объединения горцев» и поэтому «стараться разжигать между ними огонь внутреннего несогласия».

По Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 года Кабарда была признана частью России. Воспользовавшись этим, царизм вводит на ее территории российскую административно-судебную систему управления, следствием которой явился военно-оккупационный режим.

С 1816 года в истории подчинения царизмом Северного

Крупные адыгские этнические группы (натухайцы, шапсуги и абадзехи) вместе с абхазами и убыхами занимали прибрежные районы, имевшие важнейшее стратегическое значение. По словам Энгельса, «в их руках находились ворота Кавказа».

Общая численность адыгов достигла более миллиона человек.

Царское правительство, ссылаясь на Адрианопольский мирный договор 1829 года, решило оккупировать эти земли и установить здесь свой режим.

В 1837-1839 годах между Сухумом и Анапой было построено 17 укреплений, составивших Черноморскую береговую линию. Военно-колониальная экспансия царизма постепенно расширилась, приобретая жесткий характер.

Черкесы тоже делали все, чтобы противостоять царскому нажиму, проводили организационные мероприятия. Предводители на своем заседании единогласно учредили чрезвычайный союз, чтобы сохранить в стране внутренний порядок. Для управления союзом был

ли огнем постройки «свободного меджлиса». Тщетно черкесы сбегались со всех сторон, старались спасти свое священное здание...

Но самый главный удар последовал в Закубанском крае. 20 июля, по окончании работ для устройства новых станиц, около укрепления Хамкеты был собран Верхне-Абадзехский отряд, предназначенный для занятия верховьев реки Фарс и упорочения владения этой территории.

Появление русских станиц на Фарсе вызвало общее возмущение среди черкесских племен. В Хамкетский лагерь к графу Евдокимову явились абадзехские старшины с просьбой, чтобы он не шел на их землю и не прокладывал здесь дорог и просек, так как они согласились уже покориться Государю и желают жить в мире. Граф Евдокимов, не обратив внимания на их слова, двинулся к Фарсу, расположился в урочище Мамрюк-огой и здесь вновь прибывшим абадзехским старшинам объявил, что они первые нарушили покорность заключением союза с шапсугами и убыхами, сво-

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

адыгейской нации:

Осенью 1861 года император Александр II лично захотел убедиться в достигнутых успехах на Западном Кавказе и посетил Кубанскую область.

11 сентября 1861 года Государь высадился в Тамани, на границе Кавказского наместничества; в свите находились генералы-адъютанты князь Долгорукий, граф Адлерберг, граф Ламберт, Глазенап и лейб-медик Енохин. На пристани ожидали командующий Кавказской армией генерал-адъютант князь Орбелиани с высшими начальствующими лицами. Между прочим, в Тамань к этому времени прибыли более 500 мирных и не мирных черкесов с намерением просить Государя не выселять их с Кавказа. Император сразу же обратил внимание на эту толпу черкесов, безмолвно стоявшую невдалеке; спросив у князя Орбелиани, кто они такие, он быстро направился к ним. Тут произошла одна из глубоко потрясающих сцен: при приближении Монарха черкесы все, как один, схватились за оружие и, положив его на землю, склонили свои головы; затем старший из них, выступив немного вперед, произнес следующее приветствие:

«Великий Государь, мы счастливы, что вы обратили на нас свое милостивое внимание; еще более мы счастливы тем, что, несмотря на недавнюю войну с войсками вашими, вы так великодушно доверились нам. Мы это очень ценим, наш Великий Государь, и клянемся отныне быть вашими истинными и верными подданными. Мы знаем, что вы - Царь великой земли, что могущественнее вас никого нет на свете, мы знаем также, что у вас много, очень много подданных, так что мы среди них все равно как капля воды при большом дожде, но мы все-таки просим не оставить нас и смотреть на нас, как и на остальных подданных. Правда, что до сих пор мы воевали с войсками вашими, но клянемся, что впредь мы будем лучшими и самыми верными рабами вашими. Прикажите, Государь, и мы все готовы свято исполнять всякие ваши повеления. Мы будем строить дороги, укрепления, казармы для войск ваших и клянемся, что будем жить с ними в мире и согласии. Только лишь не выселяйте нас с тех мест, где родились и жили наши отцы и деды. Отныне мы эти места, наравне с войсками вашими, будем защищать от врагов до последней капли крови нашей... Не выселяйте только нас и смотрите на нас, как и на остальных ваших верных подданных...».

В продолжение этой речи и потом, когда ее переводили, среди толпы царилو глубочайшее молчание - никто даже не шевельнулся. Государь со вниманием выслушал слова старейшего черкеса и обещал сделать все возможное. Как только эти слова были переведены, между черкесами послышались радостные восклицания, и

вся толпа двинулась провожать Царя с громкими пожеланиями счастья и благополучия.

Впечатление, произведенное черкесами на Государя, было самое благоприятное, и он потом неоднократно расспрашивал о них князя Орбелиани.

Узнав, что по вновь покоренным землям проезжает русский царь, абадзехи, шапсуги и убыхи послали свою депутацию во главе с Хаджи-Керендук-Берзек в урочище Мамрюк-Огой (ныне станица Новосвободная Майкопского района). Депутация была принята Александром II. Это произошло 18 сентября 1861 года, во время второй встречи адыгов с царем. Депутация, как пишут в своих воспоминаниях присутствовавшие при этом генералы, была требовательна, она просила прекращения захватов земель и заселения их станицами и крепостями, чтобы не выжигались аулы, не избивались жители, не про-

ство; на это Государь ответил, что ему приятно видеть горские народы своими подданными, но для этого они, прежде всего, должны бросить свои набеги, повиноваться и исполнять все требования русской власти, а чтобы доказать свою готовность на это, они теперь же должны выдать пленных и беглых. Молчание было ответом на слова Государя. Сделалось очевидным, что явившиеся в лагерь старшины и депутаты были представителями не целого народа, а только одной части, действительно желавших прекращения войны. Когда Государь спросил: «Что же они молчат?», Берзек ответил, что у них есть письменная просьба. Государь приказал принять эту просьбу и объявить горцам, что рассмотрение прошения и вообще устройство их быта он поручает кавказскому начальству. В прошении депутатов горцы просили неприкосновенности зе-

кесских юношей, прискакавших на столь знаменательное зрелище. Народу было видимо-невидимо. Пешая масса стояла по кругу, ее замыкали всадники, внутри был свободный круг.

Впереди стояли народные представители. Это были известные, самые уважаемые люди. Стоял тихий, ясный день. Уже наступил полдень. Вдали показалась кавалькада, которая ехала по направлению к собравшемуся народу. Через некоторое время появились все всадники.

Впереди ехало трое всадников: «царь» на высокой английской чистокровке, справа от него «генерал Лорис-Меликов», при особе царя полковник «князь Мамат-Гирей Лоов», а далее группа генералов и высших чинов со своими ординарцами, позади всех почетная охрана - эскадрон драгун.

В этой группе были и знатные горцы-офицеры, которые состояли на царской службе.

На адыгской свадьбе в Турции. Из личного архива Т.И. Дербе.

кладывали дороги и прекратились военные действия. Ответом на все это были следующие слова царя: «Выселиться, куда укажут, или переселиться в Турцию». Насколько приемлемо было это, видно из нескольких строк, приведенных ниже, взятых из воспоминаний одного из участников этой войны, присутствовавшего при этом разговоре генерала Ольшанского. Он пишет: «Променять свои заветные, дышащие здоровьем, свободой, независимостью, горы и леса на зловредные равнины Черноморья и болотные низменности Большой Лабы - не значит ли отдать себя на жертву лихорадок? И действительно, если страшно болели живущие там казаки, как родившиеся среди миазмов или переселившиеся туда со степного пространства, то каким образом могли перенести эту миазму жители гор, дышавшие всегда свежим, здоровым воздухом?». (А.Фонвиль. «Последний год войны Черкесии за независимость. 1863-1864 гг. УО МШК МАДПР. Киев. 1991 г.).

Хаджи-Берзек от имени всех адыгов просил Императора принять их в русское поддан-

ство, чтобы там не строить крепостей, станиц, не проводить дорог. Несомненно, что подобная условная покорность должна была продлить на долгие годы дело умиротворения края. Государь сказал: «Я даю месячный срок - абадзехи должны решить: желают ли они переселиться на Кубань, где получают землю в вечное владение и сохраняют свое народное устройство и суд, или же пусть переселяются в Турцию». Отпустив депутатов, Государь объехал лагерь с окрестностями и в особенности долго пробыл на передовой позиции.

Об этом историческом эпизоде, определившем судьбу адыгов, сохранилась другая уникальная запись Сиюхова Сафербия Хацуновича (из рассказов его дяди по матери Магомчерия Магометовича Азаматова-Бгуашева) - очевидца данного события.

Ниже даю полный текст этой удивительной, но последней и роковой встречи царя Александра II с уполномоченными адыгских племен.

Очевидец говорил, что ему в ту пору было 20 лет и что он был один из множества чер-

Из всех выделялся Лоов. Это был кадровый офицер с образованием (окончил кадетский корпус), горский князь знатной абадзинской фамилии, он прекрасно говорил на русском и черкесском языках. Своим внешним видом бросался в глаза: роста выше среднего, с выразительным, энергичным лицом, с маленькой черной бородкой, 40-45 лет. Одет был изысканно, но просто: черкеска серого цвета, оружие в сауре, пояс, кинжал и газыри червленые, на голове высокая каракулевая кавказская папаха, на ногах горские сафьяновые ноговицы и чувяки без галунов, тесно облегающие ноги. Это был самый заметный человек во всей свите своей изящной фигурой, с красивым лицом и умением держать себя с достоинством.

Собрание большого количества людей на углу напоминало огромный муравейник: жило, двигалось, говорило. Народный глашатай призвал всех к порядку и тишине. Все замолчали и затаились в позу ожидания.

«Царь» подъехал близко и спешился, спешилась и вся его свита. Народ расступился, и «царь» со своими спутниками

вошел в круг, и круг замкнулся. «Царь» сказал: «Здравствуйте, абадзехи!». Стоящая перед ним группа уполномоченных для ведения переговоров ответила: «Баракат-босын» («желаем тебе блага»).

Затем «царь» заговорил: «Я к вам прибыл не как враг, а как доброжелательный друг. Я хочу, чтобы ваши народы сохранились, чтобы они не бросали родных мест, чтобы они согласились жить с нами в мире и дружбе.

Россия - большое государство, перед которым стоят великие исторические задачи. Нам необходимо укрепить наши границы, приобрести моря для выхода к другим странам. Наша торговля с другими народами должна идти через моря. Мы не можем обойтись без Черного моря. Предлагаю дать ваше согласие на прокладку через ваши земли трех дорог к Черному морю: к Анапе, Новороссийску и Туапсе. Казна моя за это выплатит вознаграждение тем аулам, которым придется переселиться с территории, отведенной под эти дороги.

Вы должны признать подданство русского царя, это не лишит вас национальной самобытности: будете жить и управляться по своим адатам, сохраните неприкосновенность своей религии, никто не будет вмешиваться в ваши внутренние дела. Администрация и суд будут из ваших выборных людей.

Вы много десятков лет воюете храбро, но ваши лучшие люди гибнут и вам не отстоять самостоятельности потому, что моя армия велика и сильна. Уже ясно виден конец: Кавказ будет русским. Нет никакого разумного обоснования губить и дальше людей. Если вы прекратите губительную войну, ваш народ сохранится и ему будет лучше жить. Русское государство будет вас охранять от врагов и блюсти ваши интересы, залечатся раны, утихнет вражда и забудутся обиды, и через полвека вы будете жить государственной жизнью и управляться по справедливому закону.

Ваши дети и внуки воспримут грамоту и культурные навыки в ведении хозяйства, и им жить будет легче, чем вам.

В этот решительный час прошу вас понять неизбежность покорения русскими Кавказа и принять мои условия, при которых ваш народ сохранится в наибольшей целостности и будет иметь возможность жить и развиваться себе на пользу и благоденствие. Если мои условия вами будут отвергнуты, я буду вынужден приказать своим генералам закончить войну в ближайшие годы, несмотря ни на какие жертвы, и царский приказ будет исполнен, но это принесет вам неисчислимые бедствия и истребление народа... Будьте же благоразумны и примиритесь с исторической неизбежностью. Царское слово крепкое, и я торжественно заявляю, что мое слово будет свято и нерушимо, это все я подтверждаю царским ука-

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

зом».

Полковник Лоов, выслушав эти слова в почтительной позе, повернулся лицом к абадзехским депутатам и на чистом образном черкесском языке начал переводить роковые, грозные слова...

Народ слушал в гробовой тишине. Перевод окончился. Насколько секунд стояло общее молчание. Потом Хаджемукко-Хадже, которому заранее было поручено сказать первое слово, несколько подвинулся вперед и заговорил: «У меня любовь к Родине так велика, что был бы готов любой ценой сохранить ее для наших детей. Наши предки долго боролись за Родину и до наших дней сохранили ее нам. Но теперь я вижу, что у нас не хватит сил оружием отстоять свои земли. Пришло время, когда мы должны войти в одно из соседних государств... Нам ближе по религии Турция, но она не хочет оказать нам военной помощи... Русских много - нас мало, силы неравные, и нам не устоять... Мое мнение: принять предложение русского царя, покориться судьбе, за это бог не осудит нас...»

В задних рядах прошел какой-то шорох, который затем стал усиливаться и вылился в мощный ропот.

«Царь» поблелел и спросил у переводчика, что сказал этот старец, видимо, его слова взволновали народ. Когда слова Хаджемукко-Хадже перевел переводчик, «царь» сказал: «Старец сказал правильно, но, видимо, народу эти слова не понравились...»

Вторым и последним выступил Тлише Шуцезуко Цейко. Это был высокий сухой старик с небольшой седой бородой, с суровым мужественным лицом. Цейко был известен как оратор и человек, который никогда и никого не боялся, всегда открыто говорил, что думал. Он оглянул сборище, повернулся к «царю» и заговорил: «Русский царь нам сказал, что он должен был сказать по своему долгу, его я не осуждаю, но мои слова не совпадут с его желанием. Народ рождается, как отдельный человек, один раз, как отдельный человек, он развивается, стареет и умирает. Самый большой век человека - 100 лет, а народ живет тысячелетия... Нет ничего вечного под Солнцем. Русскому царю понравился Кавказ и вот уже 60 лет ведет войну за его покорение. Но и нам любя и дорога наша Родина-мать, и мы, не жалея жизней, защищаем и отстаиваем ее. Мы должны дать ответ своим предкам и богу за это священное дело. Нас никто не упрекает, что щадим себя. Нет, мы обильно проливаем свою кровь и кладем свои головы... Мы гибнем, но лучше гибель, чем рабство. Русский царь нам обещает неприкосновенность нашей религии и наших адатов, но разве это возможно! Бросьте горсть соли в кадку с водой и посмотрите, что случится с солью: она растворится. Маленький народ, покоренный большим народом, должен ра-

створиться в нем... С окончанием нашей свободы окончится и наша самобытность, иначе и быть не может. Мы храбро и беззаветно должны продолжать борьбу. Бог не в силе, а в правде. Будем биться до конца. Если погибнем за Родину, за народ, за веру, за честь, то позора нам не будет. Может быть, Кавказ и будет русским, но черкесы не будут рабами русского царя, пока в их жилах течет кровь.

Русский царь называет себя нашим доброжелателем... Как это странно, наш «доброжелатель» 60 лет безжалостно проливает кровь... Нет, Кавказ будет или нашей любимой колыбелью, или нашей могилой, но мы его живыми не отдадим. Лучшее гибель, чем рабская жизнь. Не опозорим воинской славы наших предков и не забудем первейшую заповедь: «Будь героем или умри!» Считается, неприлично в лицо говорить горькую истину, но не могу не сказать, что русский царь вовсе не друг, а исконный и непримиримый враг и кровник. И напрасно он нас призывает к покорности. Сильные духом умрут, но не покорятся. Ну, а если слабые духом, как Хаджемукко-Хадже, и покорятся, то это не опозорит лучшей героической части черкесского народа. Тлебланы, смерть нашим врагам-завоевателям! Да живет и развивается священная война - Газават! Слава героям!»

Старец замолк. Несколько человек из ближайших рядов крикнули:

- Правда!

Эти слова подхватили сотни и тысячи, и скоро все поле огласилось грозным, устрашающим криком.

«Царь» испуганно озибался вокруг, окружающая его свита волновалась, опасаясь народной ярости.

Но Шуцезуко Цейко сделал рукой знак, и постепенно все стихло. Тогда Цейко сказал: «Царь в настоящее время наш гость, а гость - священная особа, и пусть никто не подумает, что абадзехи способны нарушить долг гостеприимства. Пусть народ расходится и ждет указаний своих уполномоченных».

Народ сразу стал расходиться. Царь попрощался с уполномоченными и уехал в свою ставку.

Уполномоченные в количестве двадцати восьми человек переехали в ближайший курджипский аул и приступили к обсуждению вопросов о войне.

К сожалению, информация, о чем говорили адыги в ауле, ни в устном, ни в письменном виде до нас не дошла. Об этом история умалчивает. Но мы достоверно знаем, что ко второй встрече, как мы видим из переговоров, адыги пришли со своими конкретными предложениями по мирному урегулированию Кавказской войны.

Были ли в то время какие-либо возможности прекращения кровопролитной войны на Северном Кавказе для адыгов?

Однозначного ответа на этот

сложнейший вопрос дать невозможно. Но несмотря на мудрые высказывания некоторых исторических личностей, например, Хаджемукко-Хаджи и других, эти попытки отклонялись. Адыгам мешали национальная ограниченность, непросвещенность народа, незнание своего положения, в котором они оказались. Но черкесы четко чувствовали, какой колоссальный удар нанесен по их национальному самолюбию. Однако, к сожалению, они не знали положения и места русского самодержавия в мировом сообществе государств. Абсолютное большинство адыгов, за некоторым исключением, не имело никакого представления о силе и могуществе русского государства, а те, которые знали Россию хорошо, не пользовались доверием у народа, их обвиняли в предательстве, им не давали слова. Те, кто пытались сказать доброе слово о России и русском народе, подвергались преследованиям или вовсе уничтожались. Таких примеров множество.

Эти встречи с царем могли бы стать исключительным моментом в истории адыгов, при благоприятном исходе которого народ мог бы сохранить и спасти себя. Но такому благоприятному, счастливому исходу не суждено было осуществиться. Стороны не договорились. Между ними пролегла слишком глубокая пропасть, в том числе сыграла не последнюю роль и религия. Война вновь возобновилась с большей ожесточенностью для обеих сторон и длилась она еще более двух лет.

Конец Кавказской войны всем известен. Историческая правда ее состоит в том, что он ознаменовался для черкесов национальной трагедией. Полуторастолетняя кровопролитная война, по характеру колониально-захватническая, унесшая жизни десятков и сотней тысяч людей с той и с другой стороны, закончилась победой русского империализма и катастрофой для всего черкесского народа. В результате чего на своей исторической родине осталось жить всего два процента, или 53 тысячи человек от общего числа адыгов. Императору Александру II было доложено (по данным Семена Эсадзе): «В первой половине июня вся масса туземцев отправлена в Турцию». Всего, начиная с 1858 года по 1865 год, было выселено 483 тысячи горского населения.

Черкесы ждали обещанной помощи с Запада, но жестоко просчитались.

Опять им помешало отсутствие достоверной информации, отсутствие собственной государственности, централизованного правительства. Никто ни Англия, ни Франция, ни Турция - не собирались, да и не могли оказать адыгам необходимой помощи для дальнейшего продолжения Кавказской войны. Эти государства не могли, да и не хотели портить свои от-

ношения с Россией и воевать с ней из-за адыгов. Запад уже знал, что наступил последний период борьбы Черкесии с русским империализмом. Но Англия, обманывая черкесов, все же продолжала через своих агентов давать обещания. Она делала все возможное, чтобы Черкесия находилась в постоянной войне с Россией и иногда посылала в малом количестве (несколько штук) орудия и боевые припасы, но без личного состава.

Другие западные страны также хотели продолжения Кавказской войны. Например, А. Фонвиль пишет: «Мы возбуждали нашим прибытием в горах столько мужества и энергии, что нам не осталось уже более ни одной минуты колебания в преследовании нашего дела».

Тот же А. Фонвиль со своими четырьмя товарищами живо подстрекал адыгов, чтобы они держались стойко и продолжали войну против России. Впоследствии он сам с возмущением напишет: «Горцы понимали, что не оставалось никаких средств бороться против русских, и нам стоило больших трудов задерживать эмигрирующих. Нас самих горцы начали подозревать: мы обещали им подкрепление, а оно не только не прибывало, но и не получали из Европы никаких известий; около четырех месяцев мы представлены были исключительно сами себе и решительно недоумевали, что за причина столь продолжительного молчания со стороны наших черкесских друзей в Европе... Но никаких известий, никаких подкреплений не приходило; мы с ужасом видели, что шансы нашего спасения день ото дня уменьшаются и мы ничего не могли сделать, чтобы продлить сопротивление».

Возникает вопрос: что за личности приезжали из Европы в страну Черкесию? Почему адыги к ним были так доверчивы? Например, А. Фонвиль - итальянец, обыкновенный эмиссар, находился среди черкесов с конца 1863 года до начала 1864 года, то есть четыре месяца. Лонгворт англичанин, сотрудник одной лондонской газеты, приезжал в Черкесию как путешественник в 1837 году. Черкесы встречают их восторженно, не интересуясь, кто же они такие, кого представляют. Ни тот, ни другой не являлись государственными чиновниками, не были уполномоченными правительствами Англии и Италии. За время их нахождения на Кавказе никакой военной помощи черкесам оказано не было.

Но они неустанно убеждали черкесов непрерывно оказывать ожесточенное сопротивление русским. Постоянно обманывали их, утверждая, что вот-вот поступит помощь из Англии и Турции. А помощи ниоткуда не поступало. И адыги гибли.

В подтверждение того драматизма, в котором оказались адыги, приведу один любопытный пример.

Кровавый генерал Герман, который по окончании Кавказской войны был награжден орденом Георгия 3-й степени, принимал черкесскую депутацию. Вот как проходил разговор:

— Ну, что же, убыхи? - сказал Герман, выходя к старшинам. - Зачем пришли ко мне? Где же войска ваши в европейских мундирах, о которых вы столько кричали? Где ваши союзники?

— Мы уже убедились, - отвечали убыхи, - что все наши надежды на постороннюю помощь - мечта; мы видим, что остались одни, все, кто прежде заигрывал с нами, отвернулись.

Выдающийся адыгейский писатель Исхак Машбаш в историческом романе «Жернова» через художественные образы дал яркие картины той эпохи, показал причины народной трагедии. Непросвещенность адыгейского населения, отсутствие государственности, малое знание соседних государств, особенно России, помещали адыгским предводителям взять правильный ориентир в сложной исторической обстановке. Основная масса людей во главе с вождями, не понимавшая своего места и роли среди других народов и государств мира, предпочла свободу и независимость, отклонила предложение русского царя войти в состав России как административной единицы. Черкесской депутацией было принято роковое решение, повлекшее за собой массовое истребление и переселение адыгов за рубеж.

В романе Исхака Машбаша князь Болотоков спрашивает князя Хаджемуккова:

- Скажи мне честно, как тебе показалось выступление царя?

- Да что тут говорить. Ничего плохого царь не сказал. Ведь правду говорят - протягивай ножки по одежке. Потому и нечего нам хорохориться!

Но история есть история. Речь может идти особенно о последнем периоде войны, когда на карту была поставлена жизнь нации. Черкесские предводители тогда должны были принять совершенно иное решение, чем то роковое, которое они выбрали. Надо было принять условия царя и переселиться туда, куда указал победитель. Сохранились же и выжили аулы, расселенные вдоль рек Белой, Фарса и Лабы. Уверен, адыги с меньшими потерями сохранились бы на своей земле, и сегодня на родине предков жило бы их не 125 тысяч, а несколько миллионов. Однако, чтобы понять состояние предков в то страшное время, надо оказаться в их положении. Их кругом обманывали, унижали, оскорбляли, уничтожали. Конечно же, в такой обстановке принять единственно верное решение, как нам того сегодня хочется, было не просто.

М.Б. Беджанов.

(Продолжение следует).